Почему я такой дурак? — бился в отчаянии Гарри. — Почему он не мог «не высовываться», как предупреждала Макгонагал? Почему он всегда рвался в бой, не обдумав все как следует? И почему… почему Дамблдор не мог положить конец этому безумию, когда дал ему шанс? Директор знал о пророчестве, он знал об этом все время, и все же не предпринял никаких действий в тот короткий момент, когда Гарри дал ему шанс. Почему…? Несмотря ни на что, он просто знал, что завтрашние газеты будут полны сообщений о возвращении Волдеморта. И тогда его не оправдают в глазах общественности, а просто очернят за то, что он допустил второе возвращение Тёмного Лорда к власти. Всё началось бы сначала, как это происходило каждый год: открытые взгляды презрения и недоверия, шепот за спиной. Может быть, они даже придумают обновленную кнопку «Поттер воняет». Он уже пережил это, но тогда его хотя бы поддерживали Рон и Гермиона. Теперь же он был один. Это было бы похоже на версию «Гарри Хантинга» в магическом мире, только бежать было бы некуда и спрятаться негде. Еще два года такого ожидания после очередного лета Дурслей… нет уж, спасибо. Он с трудом добрался до своего общежития, собирая чемодан и собираясь бежать. Он не имел ни малейшего представления о том, куда бежать, — только о том, что где угодно лучше, чем здесь, и о том, что ждет его в будущем. Что еще они могут с ним сделать? Что еще они могут забрать? К сожалению, ему предстояло это выяснить. Гарри протиснулся через портретное отверстие в общую комнату Гриффиндора и обнаружил, что она необычайно полна для этого времени суток, учитывая, что на улице стоял яркий летний день, а тесты закончились. Все разговоры прекратились, как только он вошел в комнату, и все взгляды обратились в его сторону. Некоторые из них были гораздо более враждебными, чем он мог предположить по отношению к тем, кого он знал как не совсем друзей, но, по крайней мере, «дружеских знакомых». Другие выглядели больными и отворачивались или опускали взгляд в пол, словно стыдясь чего-то. Ему хотелось, чтобы близнецы были здесь и хотя бы пошутили или сказали что-нибудь возмутительное, чтобы разрядить обстановку. Краем глаза он заметил, как Кэти Белл нервно подошла к нему. Он не мог понять, что может быть так плохо или что могло случиться, чтобы она так выглядела. Она всегда была яркой, уверенной в себе личностью, и это одна из многих причин, по которой она стала старостой в этом году. Она остановилась прямо перед ним и тихим тоном извинилась… — Мне очень жаль, Гарри…О, нет… Рон… Гермиона… один из них, должно быть…? Он ждал ее следующих слов, которые, как он знал, еще больше разрушат его существование. Кэти продолжала… — Но мы… э-э, то есть… большинство из нас… решили… то есть… мы провели голосование и… Кэти пыталась закончить и не смогла… Шеймус Финниган, во всей своей самодовольной красе, услужливо вклинился с сарказмом:— Четверо наших в лазарете, двое борются за свою жизнь, и все из-за тебя!— Я… я вышел? — прохрипел Гарри, не понимая, что они ему говорят, хотя ему была понятна их враждебность к происходящему, ведь он ненавидел себя гораздо больше, чем они. Он перевел озадаченный взгляд на Кэти, которая судорожно вытирала глаза подушечкой пальца. — О-выход из Гриффиндор-дора… — дрожащим голосом уточнила она. Хотя он был ошеломлен, по ее реакции он, по крайней мере, понял, что она не хотела этого, что бы это ни было? Честно говоря, он понятия не имел, что все это значит, поэтому спросил: — Что это значит: «Выбыл из Гриффиндора»? Он узнал, что это значит, когда Дин Томас и Джек Слопер подтащили его, уже упакованного, багажник вперед и пожелали ему счастливого пути в виде насмешливого, полного презрения щелчка подбородком в сторону выхода, на котором было четко написано… GET LOST. Потрясенный таким поворотом событий, он даже не подумал попросить вернуть ему клетку с совой. Кэти Белл совсем сломалась, и Алисия Спиннет помогла ей сесть на стул, которая, в свою очередь, не была в восторге от того, в каком направлении движутся ее соседи по дому. Анджелина Джонсон объяснила ему, что инквизиторский отряд плохо воспринял его побег и трусливо отомстил… Гарри споткнулся и едва не упал на спину от шока… его любимая Букля… исчезла… Он смутно помнил, как руки срывали с него гриффиндорский галстук, а другие срывали с его мантии бывшую домовую нашивку, прежде чем вывести его через портрет и сменить пароль, чтобы он не смог войти снова. Некоторые, как он заметил, плакали, когда он уходил, хотя кто они были

рядом с Кэти, он не мог понять, настолько велико было его состояние шока и подавленности. Многие другие выглядели торжествующими и поздравляли друг друга, когда он уходил… лица этих людей были неизгладимо запечатлены в его памяти. Может, он и не знал всех их имен, но навсегда запомнил их самодовольные лица. Он утешал себя тем, что, по крайней мере, у него еще есть Букля, которая составит ему компанию в его походе по миру в поисках лучшей жизни. Этот мир оказался таким же жестоким и неопределенным, как и тот, из которого, как он думал, он бежал каждое первое сентября. На следующее утро он обнаружил одинокую фигуру, прижавшуюся к краю вала астрономической башни. Хотя было начало лета, ночи все еще хранили весеннюю прохладу, особенно для тех, кто ночевал под открытым небом. Синее пламя колокольчика, которое он наколдовал, мало помогало отгонять наступающую ночную прохладу. Все, на что хватало сил, — это на свет, и то, что он увидел, лишь усугубило его тоску. Пустая клетка… Сундук, заполненный испачканной и непомерно большой одеждой. Альбом с фотографиями, служивший лишь напоминанием о том, что он не только потерял, но и никогда не знал.

http://tl.rulate.ru/book/104997/3690081